

Туман сгустился, превратившись в алые кровавые слёзы, что тёплым дождём орошали его.

Он затуманенным взором поднял глаза, и с его губ сорвался шёпот, полный вселенского бессилия.

Ощутимое тепло окутало его, и это лёгкое жжение реальности заставило его вздрогнуть, словно он вновь почувствовал долгожданный солнечный свет.

...Солнечный... свет?

Он открыл глаза. Помимо солнца, в котором он не видел ни капли коварства, перед ним маячил какой-то чёрный неопознанный объект.

Здоровенная задница.

Он медленно отвернулся. Вокруг него толпились малыши с пухлыми личиками, щебечущие, словно птенцы на птицеферме.

Он поднял голову: огромная красная надпись Цзинчжоуский детский дом резала глаза. Владелец той самой задницы ласково успокаивал цыплят и заодно спрашивал их имена.

Неудивительно.

Разобравшись в обстановке, он немного расслабился и тут же ощутил странности собственного тела.

Останки божества — вот это масштаб. Впрочем, обычная смертная оболочка и правда не смогла бы вместить его душу.

Раз даже это оказалось фальшивкой, значит, больше не о чем беспокоиться... Он опустил веки, насмешливо дёрнув уголком рта.

Обладательница внушительных форм повернулась к его ряду и теперь кротко смотрела на него:

— А тебя как зовут?

Мягкий голос и хоть и полноватая, но располагающая к себе внешность легко помогали расслабиться.

— ...Фань Цинцзи, — он едва вспомнил имя из своего родного мира.

Женщина посмотрела на этого немного угрюмого, но очень красивого ребёнка, помедлила и одарила его нежной улыбкой. На её ладони мягко светилась пластиковая фигурка животного:

— Хочешь выбрать себе зверушку по душе?

Фань Цинцзи молча оглядел глуповатых пластмассовых животных. У них была общая черта: все они относились к безобидным, низшим видам.

Он наугад выбрал пятнистого оленя. Ладонь женщины, коснувшаяся его головы, была тёплой и мягкой. Очевидно, он нравился ей больше остальных детей.

Потому что он красивее?

Фань Цинцзи не хотел тратить на это мыслительные ресурсы. Засунув оленя в карман, он погрузился в долгое самовнушение.

Инстинкт выживания заставлял его твердить себе: не сомневайся, это не то место, и это не иллюзия.

Если он не заставит себя поверить, он умрёт.

Крах духа куда страшнее, чем телесные страдания.

Под ласковым солнцем Фань Цинцзи усомнился в том, во что верил. Трава под ногами и пронизывающий душу свет вызывающе кричали о нелепой реальности.

Сильное, странное ощущение раскола и нереальности сплелось в единую нить, заставляя его искать я, доказывать своё существование и обрести пристанище.

Стать единым целым.

Мягкий, глубокий голос прервал сумбурные, болезненные мысли Фань Цинцзи. Он судорожно вздохнул, словно утопающий, наконец глотнувший воздуха.

Цзинчжоу — политический центр. В этот детский дом, который часто посещают высокопоставленные лица, детей в детское отделение отбирают особенно тщательно.

Фань Цинцзи тихо слушал выступление со сцены, про себя усмехаясь: почему же у него раньше не было такого выгодного статуса?

Во время ужина он спокойно проглотил приторный кусочек рисового пирога и взял левой

рукой ложку, чтобы зачерпнуть суп. Он хотел поскорее закончить с едой и пойти в туалет, чтобы посмотреть, как он выглядит.

На голове он почувствовал тепло — это была она. Женщина мягко посмотрела на него и нежно спросила:

— Ты левша?

Фань Цинцзи слегка покачал головой и прошептал:

— Миска стоит с левой стороны.

После ужина он отправился в уборную. Отражение в маленьком зеркале показалось ему чужим.

Значит, это и есть его лицо... Спустя долгие годы он вновь обрёл его. Кончики пальцев осторожно коснулись кожи, на лице Фань Цинцзи промелькнула улыбка, но тут же сменилась пустотой.

Фань Цинцзи был невероятно хорош собой, даже с налётом какой-то демонической притягательности. То, что он смог продержаться до самого конца, во многом было заслугой этого лица. Спасибо его ослепительно красивым родителям — их сын остался жив.

Настроение Фань Цинцзи впервые за долгое время улучшилось. Вернувшись в общую спальню, он достал из кармана чистого оленёнка и, словно ради шутки, нарисовал ему ручкой подводку для глаз, заодно подправив изгиб губ.

Чистый оленёнок превратился в порочную бестию, да ещё и в духе злобного людоеда.

Фань Цинцзи не удержался и усмехнулся. На боку у оленя осталась прозрачная наклейка с его именем. Изящный, летящий почерк радовал глаз, наклейка красовалась прямо на груди у зверька.

Дети подходящего возраста в детском доме обязаны учиться. Хотя для Фань Цинцзи это было неважно, он не собирался привлекать лишнее внимание, поэтому каждый день забивался в угол школы и размышлял о своём.

Он — Концепт. Фань Цинцзи уже давно не испытывал такой жажды. Сначала это было нужно, чтобы выжить, а потом лишь смутное стремление поддерживало его существование.

Он встретит Его, или, вернее сказать, хочет Его встретить, именно из-за этой жажды, редкой, как вода в пустыне. Она была подобна слову я, которое так и рвалось наружу.

Желание, очерченное кончиками пальцев, было туманным, и эта призрачная неопределённость лишала Фань Цинцзи решимости. Возможно, стоит просто жить спокойно, возможно, эта жажда проявится сама собой, а возможно, он снова пойдёт по кругу.

Даже не выбираясь наружу, он уже устал.

Желающих усыновить детей было немало — послушные и красивые дети всегда пользовались спросом. Чем младше ребёнок, тем больше любви ему доставалось.

Так, пятилетний малыш Фань, пробыв в приюте всего неделю, приглянулся одной паре.

Дама, сохранившая былую статью, с интересом уставилась на пятнистого оленя у него на груди, ущипнула Фань Цинцзи за пухлую щёчку и с вызывающей лёгкостью в голосе произнесла:

— Ну надо же, какая прелестная вещица.

Повеяло ароматом духов, но рука болтливой дамы была тёплой. Фань Цинцзи напрягся и промолчал.

Это был парфюм из серии life бренда MY, назывался он Густой глубокий прилив, с крайне необычным запахом. Фань Цинцзи помнил этот аромат — когда-то он был любимым у его матери.

Молчаливый мужчина задумчиво смотрел на цветок с оторванным лепестком на земле. Индивидуальный пошив рубашки, на запястье — неброские, но узнаваемые часы ручной работы Fanik. Фань Цинцзи знал их цену.

Такие люди приходят в детский дом? Фань Цинцзи холодно отмёл эту мысль.

Люди с вершины пирамиды, обладающие доступом к элитным медицинским ресурсам, не станут усыновлять здесь чужака.

Впрочем, логично это или нет — неважно. И то, что думает Фань Цинцзи, тоже неважно. Они решили его забрать, и советоваться с ним никто не собирался.

Мягкая ладонь погладила его по голове, голос дамы стал чуть мягче:

— Ты нас ненавидишь?

Фань Цинцзи что-то понял и покачал головой. На следующий день его упаковали и отправили в поместье.

Когда-то Фань Цинцзи был вторым молодым господином главной ветви клана Фань и обладал безграничной властью в Чжунчжоу. Он прекрасно понимал, какой силой обладает эта пара — даже прежнему ему едва ли удалось бы с ними встретиться.

Если такие люди усыновили его, на то была лишь одна причина. Фань Цинцзи опустил глаза, понимая, что, возможно, узнает нечто очень интересное.

Вечером, лёжа в своей комнате, он размышлял в тишине.

Дама — бизнесвумен, мужчина — из военного ведомства. По их подсознательным движениям можно было сделать выводы, но до сути было не добраться.

Впрочем, рано или поздно он всё узнает. В конце концов, Он собирался рассказать ему всё.

Взгляд Фань Цинцзи потемнел, он прислушался к своему давно забытому сердцебиению. Сердце ровно качало свежую кровь, а вместе с ней — и скрытую жажду.

С этой позиции он увидит гораздо больше.

Он уже начал ждать.

<http://bllate.org/book/22457/2361606>